

18+

Кафе «Под дубом»

Summer Bjorn

Summer Bjorn

Кафе «Под дубом»

«Издательские решения»

Summer Bjorn

Кафе «Под дубом» / Summer Bjorn — «Издательские решения»,

У вокзала маленького подмосковного городка стоит кафе с неоновой вывеской «Под дубом». Хозяйку зовут Вера. На вид — обычная женщина. Сюда заходят разные. Те, кому просто нужно поговорить про погоду. Те, кто тридцать лет не может рассказать одну историю. И те, кто приходит сюда за чужим. Вера никого не учит. Она просто наливает кофе. Иногда — что-то другое. Иногда посетители к ней возвращаются. Иногда — с цветами. Иногда — с ножом.

© Summer Bjorn

© Издательские решения

Содержание

Октябрь. Глава первая. Иван Сергеевич про погоду	6
◆◆◆	8
◆◆◆	10
Октябрь. Глава вторая. Шестая квартира	12
◆◆◆	13
◆◆◆	16
◆◆◆	18
Октябрь. Глава третья. Человек с пирожком	20
◆◆◆	26
Ноябрь. Глава четвёртая. Что Соня сказала Полкану Ефимычу	27
◆◆◆	30
◆◆◆	32
◆◆◆	33
Ноябрь. Глава пятая. Эдуард Михайлович	34
◆◆◆	38
◆◆◆	39
Ноябрь. Глава шестая. Овсянка	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Кафе «Под дубом»

Summer Bjorn

© Summer Bjorn, 2026

ISBN 978-5-0070-7732-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Октябрь. Глава первая. Иван Сергеевич про погоду

В половине восьмого Вера открыла кафе ипустила октябрь.

Октябрь стоял у двери два часа — от темноты до серого света — и, кажется, обиделся, что его так долго держали. Ввалился весь сразу, с мокрыми листьями, с запахом железной дороги, с дальним гудком электрички из Москвы. Полкан Ефимыч, спавший на стуле у окна, открыл один глаз, оценил октябрь, закрыл обратно. С октябрём он был лично знаком уже несколько лет и не считал нужным каждый раз вставать.

Вера стояла на пороге секунду дольше, чем нужно. Смотрела на дуб.

Дуб был старый. Старше кафе, старше дороги, старше городка, который собрался вокруг вокзала в тридцатых. Дуб помнил, как тут было пусто. Вера тоже помнила — не этот конкретный пустырь, но похожие, много, и все они однажды кончались тем, что приходили люди и что-нибудь строили. Сейчас вокруг дуба стояли: кафе с неоновой вывеской «Под дубом» (буквы делал в девяносто шестом мастер из Электростали, пил, но честный), асфальтовая площадка, пять машин, мусорный бак и фонарь, который Вера в этом году ещё не зажигала с утра, но скоро придётся.

Дуб был жёлтый. Не золотой — жёлтый, как старая открытка. Несколько листьев лежали на крыльце. Вера один подняла, посмотрела, положила в карман фартука.

— Доброе утро, — сказала она дубу.

Дуб не ответил. Он никогда не отвечал, но это ничего не меняло.

Вера зашла внутрь, повесила куртку, надела фартук поверх и пошла включать кофеварку. Кофеварка была большая, итальянская, восьмого года, и Вера её любила. У кофеварки был характер: по понедельникам она капризничала, по средам работала идеально, а по субботам, если на улице шёл дождь, могла обидеться и не нагреться. Вера её за это давно прозвала Глафирой Фаемовной — итальянка, дама с характером. Сегодня был понедельник, и Вера заранее начала её гладить ладонью по боку.

— Ну, Глафира Фаемовна, — сказала она. — Ну не надо. У нас сегодня Иван Сергеевич, ты же знаешь.

Кофеварка помолчала и зашипела — как кошка, но добрее. Это был хороший признак.

Полкан Ефимыч, услышав, что разговаривают не с ним, перевернулся на другой бок и демонстративно вздохнул. Вера подошла, почесала его за ухом.

— Полкан Ефимыч, имейте совесть. Глафира Фаемовна старше вас.

Полкан Ефимыч имел на этот счёт своё мнение, но молчал.

В восемь четырнадцать Вера достала из печки противень с булочками — корица, мак, творог, — и расставила их под стеклом. Маковые пошли в первый ряд: одну из них через минуту купит Иван Сергеевич, а Иван Сергеевич всегда брал ту, которая стояла слева.

В восемь пятнадцать ровно открылась дверь. Колокольчик звякнул так, как звенел уже одиннадцатый год: коротко, без энтузиазма.

— С добрым утром, — сказал Иван Сергеевич, не глядя на Веру. Он никогда не смотрел на неё в момент приветствия — это была у него такая особенность, или вежливость, или защита, Вера не уточняла.

— И вам, Иван Сергеевич.

Он снял шляпу — у него была настоящая шляпа, серая, фетровая, такие перестали носить лет сорок назад, — повесил на крючок, прошёл к своему столу у окна, сел. Полкан Ефимыч, не открывая глаз, чуть подвинул хвост: уважение, оказанное только троим в этом кафе.

Вера налила чёрный кофе. Положила маковую булочку из левого ряда. Принесла.

— Сегодня, — сказал Иван Сергеевич, глядя в окно, — небо как промокашка. Кто помнит, что такое промокашка.

— Я помню.

— Ну вы-то да.

Это была его сегодняшняя фраза про погоду. Вера улыбнулась — внутрь себя, не наружу, чтобы не смутить Ивана Сергеевича, — и пошла обратно к стойке. У Ивана Сергеевича был сорокаминутный ритуал, в который не следовало вмешиваться.

В восемь двадцать две зашла Маша, уронила рюкзак, сказала «доброе» и убежала в подсобку переодеваться. Маша работала три-четыре смены в неделю, утренние и вечерние переменялись, и в утренние смены она всегда опаздывала на семь минут и всегда говорила «доброе», как будто это было полное предложение. В остальные дни она училась — на филфаке, на заочном; готовилась к январской сессии плохо.

В восемь тридцать Тамара Леонидовна прошла мимо окна — её маршрут шёл мимо кафе, в библиотеку, где она уже не работала, но куда заходила каждое утро, потому что новая заведующая боялась её и поэтому не выгоняла. Тамара Леонидовна заглянула, увидела Веру, кивнула, пошла дальше. Вечером зайдёт.

В восемь сорок пять появился первый случайный — мужчина с чемоданом, командировочный, торопится на восьмичасовую электричку, которую уже пропустил. Заказал капучино навынос, выругался себе под нос, ушёл. Вера налила, дала, не стала говорить, что следующая через двенадцать минут — он узнает сам, когда успокоится.

В восемь пятьдесят пять Иван Сергеевич доел булочку, допил кофе, встал. Положил на стол ровно столько, сколько стоил завтрак, плюс пятнадцать рублей сверху — всегда пятнадцать, ни рублём больше, — надел шляпу, кивнул Полкану Ефимычу (Полкан Ефимыч кивнул в ответ, не открывая глаз), повернулся к Вере.

— Вера.

— Да, Иван Сергеевич.

Он постоял секунду. Потом сказал:

— Сегодня странный день будет.

И вышел.

Вера осталась стоять с тряпкой в руке. За одиннадцать лет Иван Сергеевич не сказал ей ничего, кроме фразы про погоду и «спасибо». Это было первое отступление от ритуала.

Маша из-за стойки спросила:

— Что он сказал?

— Что день странный.

— Он откуда знает?

— Он железнодорожник. Они знают.

Маша посмотрела на неё, не уверенная, шутка это или нет. Вера и сама не была уверена. Она пошла к окну, где сидел Иван Сергеевич, протёрла стол. Под салфеткой лежал листок — вырванный из календаря, октябрьский, шестое число. Иван Сергеевич никогда ничего не оставлял. На листке его почерком — стариковским, наклонным, очень аккуратным — было написано:

«Если что — я в шестой квартире. Журавлёв знает.»

Вера сложила листок, положила в тот же карман фартука, где лежал жёлтый лист с дуба. Подумала. Потом сказала Полкану Ефимычу:

— Полкан Ефимыч. Будьте добры, разбудите себя.

Полкан Ефимыч открыл оба глаза. Это случилось редко.

###

В одиннадцать двадцать в кафе зашла женщина, которую Вера не знала.

Это само по себе ничего не значило — мимо вокзала идут разные. Но женщина вошла, остановилась на пороге, осмотрела зал, и Полкан Ефимыч с своего стула встал. Не зашипел. Просто встал, спрыгнул, прошёл мимо женщины, не глядя на неё, и ушёл в подсобку.

Вера вытерла руки.

— Проходите.

Женщина прошла. Села не у окна, у стены. Лет сорок пять, может пятьдесят, в дорогом пальто, с маленькой сумкой. Лицо обычное — Вера такое видела тысячу раз, в любую эпоху, у любой национальности: лицо человека, который много лет несёт что-то, и это что-то наконец стало тяжелее, чем он сам.

— Что будете?

— Что-нибудь горячее. Не кофе.

Вера посмотрела на неё ещё секунду. Потом сказала:

— У меня есть какао. Не из пакета. С перцем.

— Давайте.

Вера пошла варить. Маша, протиравшая стаканы, посмотрела на неё вопросительно — какао с перцем не было в меню, и Маша никогда не видела, чтобы Вера его варила. Вера слегка покачала головой: не сейчас.

Какао она варила медленно. Молоко, шоколад настоящий — горький, не сладкий, — щепотка соли, на кончике ножа кайенский перец. Размешивала деревянной ложкой, по часовой стрелке, и в какой-то момент тихо сказала над кастрюлей одно слово, которого Маша не слышала, потому что Вера говорила его себе, не напиток.

Принесла. Поставила перед женщиной. Села напротив — не за стол, на соседний стул, наискось, чтобы не давить взглядом.

— Выпейте здесь, — сказала Вера. — Не уносите с собой.

Женщина посмотрела на неё. У неё были серые глаза и красные веки человека, который последние недели не спал.

— А если унесу?

— Не сработает.

— А что должно сработать?

Вера слегка пожала плечом.

— Это вы скажете, когда выпьете.

Женщина обхватила чашку обеими руками. Поддержала так. Подняла. Выпила первый глоток. Закрыла глаза.

Она пила медленно. Минуту. Две. Три. На пятой минуте у неё потекли слёзы — без всхлипываний, ровно, как из крана, который наконец открыли. Она этого, кажется, не замечала. Допила до дна. Поставила чашку.

Открыла глаза.

— Я не хотела ребёнка, — сказала она. — Тридцать лет назад. Я сделала аборт и никому не говорила. Мужу не говорила. Никому. И с тех пор у меня детей нет, и я думала, что это вот за то. А сейчас муж умер, и я осталась одна, и мне сегодня сорок дней, и я никому не могу это рассказать, потому что все будут говорить «да что вы, это не из-за этого», и они правы, и они не правы, и я не знаю, что мне с этим делать.

Вера слушала.

— Я не знаю, что мне с этим делать, — повторила женщина. — Я тридцать лет не знаю.

Вера кивнула.

— Мне плохо, — сказала женщина. — Очень плохо.

— Я знаю.

— Вы что, правда знаете?

— Правда.

Женщина посмотрела на неё. Потом на пустую чашку. Потом снова на неё.

— Что это было?

— Какао, — сказала Вера. — С перцем.

— И всё?

— И всё.

Женщина тихо засмеялась — впервые, наверное, за много недель. Смех был некрасивый, влажный, но настоящий.

— Что мне делать?

Вера подумала.

— Не знаю, — сказала она. — Я знаю, что вам сорок дней. Я знаю, что вы пришли сюда с вокзала, потому что не могли поехать на кладбище, потому что там было бы про мужа, а у вас сейчас не про мужа. Я знаю, что вы тридцать лет одна с этим. Я не знаю, что вам делать. Но я знаю, что вы мне это сказали, и это уже другое, чем тридцать лет.

Женщина кивнула. Долго сидела. Потом достала из сумки кошелёк.

— Сколько?

— Двести.

— Это очень мало.

— У меня всё мало. Это спорное место.

Женщина положила пятисотенную купюру. Вера не стала спорить. Женщина встала, помедлила.

— Можно я ещё приду?

— Можно.

— Я живу в Москве.

— Электрички ходят.

Женщина кивнула и вышла. Колокольчик звякнул так же без энтузиазма.

Маша подошла к стойке, посмотрела на Веру.

— Вера.

— Что, Машенька.

— У вас никогда не было какао в меню.

— Не было.

— А почему сейчас было?

Вера пожала плечами.

— А кто его знает. Иногда бывает.

Маша смотрела на неё ещё секунду. Потом вздохнула, как вздыхают двадцатилетние, которым взрослые не объясняют очевидное, и пошла протирать стаканы дальше.

Вера убрала со стола. На стуле, где сидела женщина, лежал маленький белый платок — забыла. Вера платок подняла, посмотрела, положила в ящик под стойкой. У неё там этих платков было уже штук сорок. Все возвращались за ними рано или поздно.

Полкан Ефимыч вышел из подсобки. Прошёл к своему стулу, запрыгнул, лёг. Удовлетворённо вздохнул.

###

В шесть часов вечера, когда серый день начал темнеть в синий, и Маша уже ушла домой, и Тамара Леонидовна допила свой чай и тоже ушла, и в кафе остались только Вера и Полкан Ефимыч и одна включённая лампа над стойкой, — открылась дверь.

Колокольчик звякнул иначе. Не громче и не тише — иначе.

Полкан Ефимыч встал. Спрыгнул со стула. Пошёл к двери. Потёрся о ноги вошедшей. Поднял на неё морду и долго смотрел.

— Здравствуй, Полкан Ефимыч, — сказала вошедшая.

Кот замурлыкал. Это случалось редко.

Вера, не оборачиваясь, потянулась за второй чашкой.

— Долго тебя не было.

— Месяц.

— Я думала, дольше.

— Нет, ровно месяц. У меня была работа в Иркутской области. Там сейчас тяжело.

Гостья повесила пальто — серое, цвета старого пепла, — и прошла к столу у стены, не у окна, всегда у стены. Села. Положила руки на стол. Руки были обычные.

Вера принесла кофе. Чёрный, без сахара, маленькая чашка. Себе налила в большую, села напротив.

Они помолчали.

— Сегодня тут был странный день, — сказала Вера. — Иван Сергеевич сказал, что день странный. Он раньше так не говорил.

Гостья отпила кофе.

— Иван Сергеевич, — сказала она, — много знает.

— Откуда?

— Железнодорожник. Они знают.

Вера посмотрела на неё. Гостья не улыбалась. Гостья почти никогда не улыбалась. Но в глазах что-то было — то, что у других людей бывает улыбкой.

— Ты сегодня заходила к кому-то в шестую квартиру? — спросила Вера тихо.

Гостья помолчала.

— Не сегодня. Но скоро.

Вера кивнула.

— Я думала.

Они сидели ещё долго. За окном стемнело окончательно. Дуб стоял жёлтый под фонарём, который Вера наконец зажгла. Полкан Ефимыч запрыгнул Гостье на колени и заснул.

— Расскажи, — сказала Гостья, — что у тебя сегодня было.

Вера рассказала про женщину с какао.

Гостья слушала, гладила Полкана Ефимыча между ушами. Когда Вера закончила, Гостья сказала:

— Хорошее какао.

— Перца много?

— В самый раз.

И они ещё помолчали. И это было самое тёплое молчание, которое случается в этом кафе — когда два самых одиноких существа на земле сидят в маленьком зале под жёлтой лампой, и кот спит на коленях у одной, и кофе остывает в чашках, и за окном — старый дуб, и всё это вместе называется «вечер».

В половине восьмого Гостья встала. Полкан Ефимыч недовольно мяукнул, переполз на стул, свернулся.

— Когда теперь? — спросила Вера.

— Скоро. Иван Сергеевич сказал правду.

Вера кивнула.

— Береги себя, — сказала Вера.

Гостя посмотрела на неё долгим взглядом.

— Это, — сказала она, — не моя работа.

Надела пальто. Вышла. Колокольчик прозвенел иначе.

Вера осталась за столом. Допила свой кофе. Посмотрела на пустую чашку напротив — чашка была холодная, как будто из неё никто не пил.

Она убрала обе. Помыла. Поставила на полку.

Достала из кармана фартука жёлтый лист с дуба и листок из календаря с почерком Ивана Сергеевича. Положила рядом на стойку. Долго смотрела.

Потом сказала, никому конкретно:

— Ну хорошо. Раз странный день, значит странный день.

Полкан Ефимыч на стуле перевернулся на другой бок.

За окном дуб стоял жёлтый, и где-то в городке, в шестой квартире какого-то дома, Иван Сергеевич, наверное, уже пил вечерний чай и смотрел в окно на ту же темноту, что и Вера.

И октябрь продолжался.

Октябрь. Глава вторая. Шестая квартира

Утром седьмого октября Иван Сергеевич не пришёл.

Вера это поняла в восемь шестнадцать. Минута опоздания у Ивана Сергеевича не случалась за одиннадцать лет ни разу. Маковую булочку из левого ряда Вера отложила в сторону, на отдельную тарелку, и накрыла салфеткой.

В восемь двадцать она сняла фартук.

— Машенька.

Маша подняла голову от телефона.

— Постоишь полчаса. Если Иван Сергеевич всё-таки придёт — посади на его место, налей чёрный, дай маковую. Скажи, что я скоро.

— А вы куда?

— В шестую квартиру.

— А где это?

Вера остановилась в дверях подсобки.

— Не знаю, — сказала она. — Но Журавлёв знает.

Она надела куртку, проверила карман — листок с почерком Ивана Сергеевича лежал там же, где лежал вчера, рядом с жёлтым листом дуба. Полкан Ефимыч, не открывая глаз, мяукнул один раз — коротко, требовательно.

— Я знаю, Полкан Ефимыч. Я тоже.

Она вышла.

Октябрь за ночь стал жёстче. Дождь не шёл, но воздух был такой, что его можно было, кажется, выжимать. Дуб стоял мокрый и тихий. Вера прошла мимо него, приложила ладонь к коре на секунду — это был у неё такой жест, как у некоторых людей привычка трогать косяк двери на удачу, — и пошла к участку.

Участок был в трёх минутах ходьбы.

###

Журавлёв стоял на крыльце участка и курил. Увидев Веру, не удивился. У него в принципе было такое лицо, которое не удивлялось.

— Вер.

— Журавлёв.

Он посмотрел на неё, потом мимо неё, потом снова на неё.

— Иван Сергеевич, — сказала Вера.

— Угу.

— Где это?

Он бросил сигарету в банку с водой у крыльца, мотнул головой:

— Пойдёмте.

Они пошли вместе. Журавлёв был на голову выше Веры и в два раза шире, и шагал он медленно, под её темп. Это было приятно — обычно люди шагают, не думая, кто рядом. Журавлёв думал.

— Он мне вчера записку оставил, — сказала Вера.

— Знаю. Мне тоже.

— У вас что написано?

— У меня — «Если что, в шестой. Веру не пугать». — Журавлёв помолчал. — Это у него юмор такой был.

— Был, — сказала Вера.

Журавлёв на «было» кивнул, как кивают на подтверждённую новость.

Они свернули за поворот, прошли мимо магазина «Пятёрочка», мимо детского сада, мимо двух пятиэтажек брежневского времени и оказались у третьей, такой же. Подъезд номер два. Журавлёв набрал код — он его помнил наизусть, и Вера это отметила, — открыл дверь.

В подъезде пахло кошками и старой штукатуркой. Журавлёв молча пошёл на четвёртый этаж пешком, лифта не было.

Шестая квартира была налево от лестницы.

На двери — обычный звонок и табличка с номером 6. Журавлёв ключ достал из кармана: у него был ключ.

— Он мне отдал, — сказал Журавлёв, не оборачиваясь. — Лет восемь назад. На случай. Открыл.

В прихожей было темно и чисто. Очень чисто. У Ивана Сергеевича всё было разложено так, как будто завтра приедет инспекция: тапочки в ряд, шляпа на крючке, зонт в углу, под зонтом — поддончик. На вешалке висела куртка, в которой он ходил в последний раз. Вера её узнала — серая, с потёртыми манжетами, он её носил третий год.

Журавлёв снял ботинки. Вера тоже. Это было странно — снимать ботинки в квартире, в которой только что умер хозяин, — но они оба сделали это, не сговариваясь. Иван Сергеевич не любил, когда в его квартиру в обуви.

В большой комнате у окна стоял стул, обращённый к окну. На стуле сидел Иван Сергеевич.

Сидел, как всегда сидят за окном, — слегка наклонившись вперёд, локти на подоконнике. Перед ним была чашка. Чашка была пустая.

Вера подошла. Положила ладонь ему на плечо. Плечо было холодное, но не очень, — он ушёл, наверное, часа три назад, на рассвете.

Журавлёв стоял в дверях, не входил.

— Когда, — спросил он тихо.

— Под утро. Часов в шесть, я думаю.

— Без мучений?

— Без мучений.

Журавлёв кивнул. Постоял ещё. Потом сказал:

— Я скорую вызову. Они потом придут. Я с ними тут останусь, бумаги. Вы посидите ещё минуту, если хотите. Я за дверью буду.

И вышел.

Журавлёв был хороший человек. Это Вера знала и без сегодняшнего утра, но сегодняшнее утро было ещё одним подтверждением, и Вера занесла его в свой внутренний список таких подтверждений.

Она села напротив Ивана Сергеевича — на стул, который явно стоял тут давно для гостей, хотя гостей у Ивана Сергеевича, кажется, не бывало. Стул был с подушкой, аккуратной, штопаной по углу.

— Ну вот, — сказала Вера.

Иван Сергеевич, понятное дело, не ответил.

— Я думала, вы ещё годик. Ну хоть зиму. Вы хотели зиму, я знаю.

Молчание.

— Промокашка ваша, — сказала Вера. — Я её помню, Иван Сергеевич. Я промокашку очень хорошо помню. У меня была одна, лиловая.

Молчание.

Вера сидела ещё минуту. Потом встала, пошла на кухню. Кухня была такая же, как всё в этой квартире: чистая до невозможности, с одной чашкой на сушке и одной тарелкой. В шкафу нашлась банка чая, открытая, наполовину пустая. Чай был грузинский, сорта «Букет». Вера такой пила в сороковых, а потом он исчез, а потом снова появился в девяностых, и Иван Сергеевич, оказывается, его тоже знал.

Она поставила чайник. Пока чайник грелся, обошла квартиру. Не из любопытства — чтобы убедиться, что не осталось ничего, что Иван Сергеевич не хотел бы оставлять чужому глазу. У всех таких стариков что-то такое есть. У Ивана Сергеевича — оказалось — было.

В спальне на тумбочке лежала фотография. Маленькая, чёрно-белая, в простой рамке. Женщина лет тридцати, с очень прямой спиной, смотрит чуть в сторону от камеры. Не красавица, но из тех лиц, мимо которых не пройти. На обороте — Вера осторожно вытащила фотографию из рамки — карандашом: «Лиде. От Ивана. 1974. Не забывай.» И поверх, другим почерком, уже выцветшим, — «Я и не забывала.»

Вера фотографию вернула в рамку, рамку поставила обратно, ровно как стояла.

— Лиде, — сказала она тихо. — Ну хорошо.

В тумбочке нашлась ещё одна вещь — маленькая записная книжка, потёртая. Вера её не открыла. Это было не её. Журавлёв потом разберётся, или никто не разберётся, и это тоже нормально.

Она вернулась на кухню. Чайник вскипел. Она заварила два стакана, один отнесла к окну, поставила перед Иваном Сергеевичем. Второй взяла себе. Села напротив.

— За Лиду, — сказала Вера.

Чай был горький — она забыла, что грузинский «Букет» нужно держать недолго, иначе он становится таким. Но это было даже к месту.

В окне между двух пятиэтажек виднелся кусок неба. Небо было бледное, серое, с одной полосой почти жёлтого — там, где должно было быть солнце, но солнца не было видно.

— Сегодня, — сказала Вера в окно, — небо как старая простыня в больнице. Кто помнит, что такое старая простыня в больнице.

Она помолчала.

— Я помню, Иван Сергеевич. Я хорошо помню.

И они посидели ещё немного — она с чаем, он без, в комнате с очень чистым полом, и за окном дрожала жёлтая полоса, и где-то под подъездом приехала скорая, и Журавлёв с врачами начал подниматься по лестнице.

Вера встала. Допила чай — она всегда допивала, у неё было правило не оставлять в чужом доме недопитого. Вымыла оба стакана, поставила на сушку. Вернулась в комнату. Тронула Ивана Сергеевича за плечо ещё раз.

— Спасибо, — сказала она.

Он, понятное дело, не ответил, но Вера знала, что услышал. У неё на этот счёт был большой опыт, и она доверяла ему больше, чем собственным глазам.

Дверь открылась. Зашёл Журавлёв и двое в зелёной форме.

— Вер, я там разберусь. Идите. У вас кафе.

— Журавлёв.

— Ну.

— Похороны.

— Я займусь. У него сестра в Туле. Я ей позвоню.

— Скажите, что я тоже приду.

Он кивнул и не стал спрашивать, как она узнает когда. Он за десять лет привык, что Вера узнаёт.

Она вышла.

###

В кафе она вернулась в десять с чем-то.

Маша стояла за стойкой, и лицо у неё было тревожное. На стуле Ивана Сергеевича — на его стуле — сидела девочка.

Девочка была худая, в куртке на два размера больше, в шапке, с рюкзаком на полу. Двенадцать лет, может быть, тринадцать. Перед ней была чашка чая, к которой она не прикасалась. Перед чашкой — маковая булочка из левого ряда, та самая, которую Вера накрыла салфеткой утром.

— Она зашла, — зашептала Маша, — я ей говорю, давайте сюда, тут другое место, она говорит, нет, я тут сяду. И всё. Я растерялась.

Вера посмотрела на девочку.

Девочка смотрела в окно. У неё было лицо ребёнка, который давно живёт как взрослый. Из рукава куртки выглядывал краешек ещё одной куртки — она надела две, одна под другую.

Полкан Ефимыч сидел на полу у её ног и смотрел на неё снизу вверх, не отрываясь. Это случалось редко.

Вера подошла. Не за стойку — к девочке. Опустилась на корточки рядом со стулом, чтобы их глаза были на одном уровне.

— Здравствуй.

Девочка её увидела как будто издалека. Кивнула.

— Меня Вера зовут.

— Я знаю.

— А тебя?

— Соня.

— Соня, ты булочку ешь?

Соня посмотрела на булочку. Покачала головой.

— Я не знаю, можно ли.

— Можно.

— Маша сказала, она для дедушки была.

— Дедушка не придёт.

Соня кивнула. Не удивилась. У неё было лицо человека, который вообще удивляется редко — слишком много знает в свои тринадцать.

— Тогда я съем.

— Съешь.

Соня взяла булочку обеими руками, как берут что-то очень важное, и стала есть очень медленно. Полкан Ефимыч смотрел вверх. Соня отщипнула маленький кусочек, протянула вниз. Полкан Ефимыч булочки не ел никогда. В этот раз — взял. Сел и стал жевать.

Маша сзади тихо ахнула.

Вера встала. Вернулась за стойку. Маша зашептала:

— Вера, это что вообще такое. Полкан Ефимыч мак не ест, я ему позавчера давала, он мне руку чуть не отгрыз.

— Мак иногда ест, — сказала Вера. — В виде исключения.

— А она кто?

— Соня.

— Это понятно, что Соня. А в смысле — кто?

Вера посмотрела на девочку. Соня ела булочку, смотрела в окно. На стекле от её дыхания запотевал маленький круг.

— Она наша теперь, Машенька.

Маша на это ничего не сказала, потому что отвечать тут было не на что.

Вера налила себе кофе. Подошла к окну, стала рядом с дубом, точнее — с тем местом, где дуб стоял за стеклом. Дуб стоял. С него медленно слетел один лист. Вера лист не подняла — он упал по ту сторону окна, ей не достать.

Соня доела булочку. Допила чай — Вера это отметила: правило про не оставлять в чужом доме недопитого она, оказывается, тоже знала, хотя ей никто не говорил. Потом достала из рюкзака учебник и тетрадку, разложила на столе и стала делать уроки.

Полкан Ефимыч запрыгнул на стул напротив — на гостевой, который стоял у окна на случай, если кто-то к Ивану Сергеевичу подсядет, чего никогда не случалось, — и лёг там, как будто это было его место от рождения. Соня на него посмотрела один раз, чуть улыбнулась — впервые за всё это время — и продолжила писать.

Вера стояла у стойки и смотрела на них.

В окне над дубом небо было всё тем же — серое с жёлтой полосой. Где-то на вокзале объявили электричку до Москвы. В кафе пахло маком и чаем.

«Странный день», — сказала Вера про себя, цитируя Ивана Сергеевича.

И добавила, тоже про себя:

«Спасибо, Иван Сергеевич. За место для неё.»

###

Особая Гостья пришла вечером.

Не в шесть, как обычно, — в восемь. Соня уже ушла домой час назад: Вера её одну не отпустила, проводила сама — подъезд оказался третий по улице Гагарина, девятая квартира, дверь обитая дерматином, на двери две щеколды снаружи. Вера ничего не сказала, отметила в голове.

Когда колокольчик звякнул иначе, Вера была одна.

— Ты сегодня без работы? — спросила она, не оборачиваясь.

— Сегодня — нет.

— Иван Сергеевич...

— Я знаю. Я была там в шесть утра.

Вера обернулась. Особая Гостья стояла у двери, не сняв пальто. Полкан Ефимыч сидел у её ног, мурлыча так, как мурлычет только для неё.

— Как он?

— Хорошо. Спокойно. Он мне сказал «спасибо». Не все так говорят.

— Он у нас был хорошо воспитан.

— Да.

Они помолчали. Особая Гостья сняла пальто, повесила на крючок, прошла к своему столу у стены. Вера уже несла кофе.

Они сели.

— Я видела сегодня девочку, — сказала Особая Гостья.

— Соню.

— Соня.

— Что ты про неё видишь?

Особая Гостья отпила кофе. Долго не отвечала.

— Я вижу, что у неё есть время, — сказала она наконец. — Не сегодня. Не завтра. Не в этом году. Но не очень много.

Вера кивнула.

— Я тоже это вижу.

— Что будешь делать?

— Не знаю, — сказала Вера. — Пока — кормить её.

— Этого недостаточно.

— Знаю.

Они посидели ещё.

— Скажи мне одну вещь, — попросила Вера.

— Скажу, если знаю.

— Это её отец?

Особая Гостья посмотрела на Веру долго.

— Да.

— Хорошо.

Вера встала, унесла свою чашку на стойку. Помыла. Поставила. Вернулась.

— Я тебе скажу, — сказала Вера. — Я её отдавать не буду.

Особая Гостья посмотрела на неё.

— Я знаю.

Они помолчали. Полкан Ефимыч у Гостьи на коленях вздохнул во сне.

В окне небо наконец потемнело окончательно. Дуб под фонарём стоял мокрый. У вокзала прогудела последняя электричка.

И октябрь продолжался.

Октябрь. Глава третья. Человек с пирожком

Человек зашёл в кафе в три часа дня, в четверг, через полторы недели после похорон Ивана Сергеевича.

Соня в это время уже ушла из школы и сидела за своим столом — стол она освоила быстро, это был стол Ивана Сергеевича, и Полкан Ефимыч лежал на гостевом стуле напротив, положив подбородок на лапы, и смотрел, как она пишет в тетрадке. У Сони была математика. Соня математику не любила, но писала ровным аккуратным почерком, и Полкан Ефимыч одобрительно жмурился каждый раз, когда она правильно складывала.

Маша протираала стаканы. Тамара Леонидовна сидела в дальнем углу, читала «Доктора Живаго» в десятый раз и ни на кого не смотрела.

Колокольчик звякнул.

Полкан Ефимыч поднял голову.

Это Вера заметила сразу, потому что Полкан Ефимыч за последние две недели голову поднимал три раза: один раз — когда зашла Соня в первый день; второй — когда Особая Гостья пришла во вторник; третий — сейчас.

Она обернулась.

В дверях стоял мужчина лет сорока. Среднего роста, среднего сложения, в обычной куртке. Лицо тоже среднее — не запоминающееся. Если бы Вера через час попыталась его описать Журавлёву, она бы сказала «обычный, лет сорок» и больше ничего, и это было бы нечестно по отношению к Журавлёву, потому что мужчина был обычный *слишком* обычный. Так старается выглядеть только тот, чья работа — не запоминаться.

Полкан Ефимыч, не торопясь, прыгнул с гостевого стула, прошёл по залу, не глядя на вошедшего, и ушёл в подсобку. Соня этого, кажется, не заметила.

Маша заметила. Маша Полкана Ефимыча знала.

— Здравсьте, — сказала она вошедшему, и в её «здравсьте» была лёгкая настороженность, которой обычно не бывает.

— Здравствуйте, — сказал мужчина. Голос у него был тоже средний.

Он осмотрел зал. Не быстро, не медленно. Ровно. Зацепился глазами за Соню, скользнул мимо. Остановился на Тамаре Леонидовне. Тамара Леонидовна, не отрываясь от Пастернака, сказала:

— Молодой человек, я тут давно. Меня видели многие.

Мужчина чуть улыбнулся. Прошёл к стойке.

Вера в этот момент уже стояла у кофеварки и что-то с ней делала — поправляла прокладку, или делала вид, что поправляет. Кофеварка шипела довольно. Вера обернулась только когда мужчина встал перед ней.

— Здравствуйте, — сказала она.

— Здравствуйте. Вы хозяйка?

— Я.

— Вас, кажется, Верой зовут.

— Кажется, да.

Они посмотрели друг на друга секунду. У него были серые глаза. Совсем не злые. Это в Верином опыте был первый признак — по-настоящему злые глаза бывают у тех, кто ещё переживает по поводу своей работы. У этого глаза были спокойные.

— Что желаете? — спросила Вера.

— Кофе. Чёрный. И что у вас есть из выпечки.

— Маковая, творожная, корица. И пирожок с капустой.

— Пирожок с капустой.

— Хороший выбор.

Она налила кофе. Достала пирожок — он был тёплый, с утренней партии, Вера их сама пекла. Положила на тарелку. Принесла к столу, который мужчина уже выбрал — у стены, спиной к стене, лицом ко входу. Профессиональный выбор, заметила Вера; но это и так было ясно.

— Платить сейчас или потом?

— Потом.

— Хорошо.

Она пошла обратно за стойку. Маша смотрела на неё круглыми глазами. Вера слегка покачала головой: всё в порядке.

Маше это в порядок не верилось, но Маша знала, что когда Вера качает головой, лучше не спорить. Маша вернулась к стаканам.

Тамара Леонидовна подняла глаза от книги, посмотрела на мужчину, посмотрела на Веру, чуть-чуть кивнула — Вере, не ему — и вышла. Тихо, спокойно, оставив на столе деньги под чашкой. Это был знак: Тамара Леонидовна тоже видела. Тамара Леонидовна выходила, когда чувала, что лучше выйти.

Соня писала в тетрадке. Она ничего не заметила, и это было хорошо.

Мужчина пил кофе. Откусил кусочек пирожка. Пожевал. Отпил ещё кофе.

— Очень вкусный пирожок, — сказал он, не повышая голоса, ни к кому конкретно.

— Спасибо, — сказала Вера от стойки. — Я сама пеку.

— Вижу.

Он ел медленно. Вера за это время вытерла стойку, поправила булочки под стеклом, проверила сахарницы. Потом подошла к нему, со своей чашкой чая. Села напротив. Не за стол — на соседний стул, как с женщиной про какао. Боком к нему.

— Машенька, — сказала Вера, не оглядываясь, — ты не сходишь к Соне, помоги ей с математикой? Ты же на филфаке, ты в математике слабенькая, но в среднем балльном смысле сильнее, чем шестой класс.

Маша поняла. Маша сразу поняла. Маша подошла к Соне, села рядом, сказала: «Соня, давай я с тобой посижу, я сегодня грустная.» Соня кивнула, подвинула ей тетрадку. Они оказались в дальнем углу, спиной к стойке.

Мужчина это заметил.

— Это разумно, — сказал он Вере.

— У меня тут дети.

— Я вижу.

Они помолчали.

— Вас как зовут? — спросила Вера.

— Какая разница.

— Никакой, — согласилась она. — Просто чтобы было удобнее разговаривать.

— Андрей.

— Андрей. — Вера кивнула. — Андрей, у вас руки трясутся.

Он посмотрел на свои руки. Они немного тряслись. Совсем чуть-чуть, но он сам этого не замечал.

— Это от голода, — сказала Вера. — Или от того, что вы здесь по работе?

Андрей долго на неё смотрел. Потом сказал:

— И то, и другое.

— Когда вы ели?

— Вчера.

— Возьмите ещё пирожок. У меня их много, вечером выкину.

— Спасибо, не надо.

— Андрей. Возьмите пирожок.

Что-то в её голосе было такое, что он встал, пошёл к стойке сам, выбрал ещё один пирожок — на этот раз с яблоком, — взял тарелку и вернулся. Вера за это время не сдвинулась с места.

— Ешьте, — сказала она.

Он стал есть. Ел уже не так медленно. Был, видимо, действительно голодный.

— Кто вас прислал? — спросила Вера буднично, как спрашивают, куда человек едет в отпуск.

Андрей чуть не подавился. Допил кофе, чтобы пирожок прошёл.

— Это, — сказал он, — обычно так не работает.

— Я знаю. Извините. Я устала за месяц, у меня соседа похоронили на той неделе, девочка вот пришла, вы — третий за две недели, кто что-то от меня хочет. Я хочу побыстрее.

Андрей посмотрел на неё ещё дольше, чем в первый раз.

— Вы серьёзно сейчас? — спросил он.

— Серьёзно. Сколько вам обещали?

— Вера.

— Что?

— Я не знаю, как вы устроены.

— Это нормально. Я тоже не до конца знаю.

— Меня предупреждали, что вы странная.

— Кто предупреждал?

Андрей молчал. Доел пирожок. Вытер рот салфеткой — салфетку аккуратно сложил, положил на тарелку, не комкая. Это Вера тоже отметила: профессионал. У профессионалов всегда что-то такое — манеры, которые они не могут отключить. Вилку держат правильно, дверь придерживают, салфетку не комкают.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Мне дали задание через посредника. Я с заказчиком не встречаюсь.

— А посредник кто?

— Тоже посредник.

— Понятно.

Они посидели.

— Мне сказали, — продолжил Андрей, как будто решился, — что вас не возьмёт обычное. И поэтому мне дали вот это.

Он медленно полез во внутренний карман куртки. Вера не пошевелилась. Достал не пистолет — маленькую склянку, стеклянную, тёмную, с пробкой. Поставил на стол между ними.

— Что это?

— Мне сказали, что это сработает.

— Сработает в смысле — убьёт меня?

— Да.

— Андрей. Покажите.

Он подвинул склянку к ней. Вера взяла, открыла пробку, понюхала. Закрыла глаза. Понюхала ещё раз. Закрыла обратно.

— Это, — сказала она задумчиво, — настойка из чего-то очень старого. Я такого запаха давненько не ощущала. Где они это взяли?

— Я не знаю.

— Любопытно.

Она поставила склянку обратно на стол. Сидела, смотрела на неё.

— Андрей, — сказала Вера. — Скажите честно. Вы сегодня собирались мне это в кофе?

— Собирался.

— А почему не подсыпали?

Он подумал.

— Не знаю. Я как-то... не успел. Вы вышли из-за стойки, и я подумал, что лучше после второго пирожка.

— Перфекционист.

— Возможно.

— У меня тоже бывает.

Они опять помолчали.

— Ну хорошо, — сказала Вера. — Давайте так. Вот склянка. Я её сейчас уберу к себе. Вы пирожки доели, кофе попили. С вас триста двадцать рублей.

— Вера.

— Что?

— Меня ждёт человек на улице. Если я выйду без подтверждения, что вы...

— Что я мертва.

— Да.

— А подтверждение какое?

Он замялся.

— Фотография.

— Андрей.

— Что?

— Это всё унинительно. У вас фотоаппарат с собой?

— Телефон.

— Ну хорошо. Сейчас сделаем.

Вера встала. Прошла за стойку. Достала маленькую склянку из-под ванилина, пустую, помыла, налила в неё что-то из чайника — обычный остывший чай. Закрыла. Подошла обратно.

— Эту склянку, — сказала она, — отдадите тому, кто послал. Скажете, что подсыпали. Я выпила. Я упала. Вы вышли. Всё.

— А фотография?

Вера легла на пол.

Она легла спокойно, не торопясь, как ложатся в свою постель уставшие после долгого дня люди. На бок. Глаза приоткрыты, но не двигаются. Рот чуть приоткрыт. Она это умела. У неё на это, как и на многое другое, был большой опыт.

— Снимайте, — сказала она, не двигая губами.

Андрей долго стоял.

Потом достал телефон и сфотографировал.

— Со вспышкой, — сказала Вера, не двигая губами, — лицо лучше выйдет. У них там, наверное, свет плохой.

Он сделал ещё одну фотографию со вспышкой.

— И с другого ракурса.

Он сделал и с другого.

Вера встала, отряхнула фартук.

— Спасибо. Покажите.

Он показал. Получилось убедительно. Вера на полу выглядела действительно мертво. У неё это получалось с юности, когда пришлось делать впервые.

— Хорошо. Идите.

— Вера.

— Что?

Он положил телефон на стол. Долго смотрел на неё.

— Зачем вы это делаете?

— Что — это?

— Меня отпускаете.

Вера села на стул, на котором только что сидел Андрей. Чашка ещё была тёплая — кружочек снизу не успел остыть.

— Андрей, — сказала она. — Вы голодный. У вас руки трясутся. Вы профессионал, и это видно. И вы с собой принесли склянку, в которой что-то очень старое и страшное. Я не знаю, что у вас за жизнь, но эта склянка означает, что в неё кто-то вложил много времени и денег, и значит, вас ценят, и значит, вам платят, и значит, вы это делаете не первый раз. И всё равно вы голодны со вчера.

Он молчал.

— Поэтому я не думаю, что у вас всё хорошо. И мне жалко.

— Это не аргумент.

— Не аргумент. Просто причина.

Они посмотрели друг на друга.

— Я могу вернуться, — сказал Андрей. — Не сегодня. Через год.

— Не вернётесь.

— Почему вы так уверены?

— Потому что вы сейчас уйдёте отсюда с фотографией мёртвой женщины и со склянкой, в которой больше нет того, чем меня травили. Тот, кто вас послал, получит подтверждение. Вы получите деньги. И вы исчезнете. Если у вас есть голова — а она у вас есть, — вы исчезнете куда-нибудь, где вас не найдут. И этим закроется ваша история со мной.

— А ваша со мной?

Вера долго думала.

— Закроется, — сказала она. — Если хотите.

— Я хочу.

— Тогда закрылась.

Он кивнул. Потянулся к карману. Вера остановила:

— За пирожки и кофе не платите. Считайте, что вы их у мёртвой женщины украли.

Он улыбнулся — впервые за весь разговор. Улыбка у него была очень человеческая, и Вера это запомнила, хотя обещала себе не запоминать.

— Вера, — сказал он. — Я хотел спросить.

— Спрашивайте.

— А вас правда нельзя?..

— Можно. Просто склянкой не получится.

— А чем?

— А вот этого, — сказала Вера, — никто пока не угадал. И слава богу.

Андрей кивнул. Подошёл к двери. Обернулся.

— Спасибо за пирожки.

— Заходите ещё.

— Не зайду.

— Тогда удачи.

Он вышел. Колокольчик звякнул как обычно — без энтузиазма.

Вера осталась сидеть. Через минуту в подсобку посмотрел Полкан Ефимыч, оценил обстановку, вышел, прошёл к ней через зал, запрыгнул на стол — на это у него обычно было запрещение, но Вера сегодня не возражала, — и улёгся, положив подбородок на её руку.

— Полкан Ефимыч, — сказала Вера. — Вы видели?

Полкан Ефимыч промолчал.

— Если кто-то ещё придёт — вы мне сразу скажите. Не как сегодня, а раньше. Договорились?

Полкан Ефимыч закрыл глаза. Это был знак согласия.

В углу Соня и Маша всё ещё сидели над тетрадкой. Соня смеялась — тихо, но смеялась — над чем-то, что Маша ей говорила про дробь. Это было редкое зрелище, и Вера на секунду перестала думать про склянку.

— Машенька, — сказала Вера через зал. — Ты сегодня после смены свободна?

— Да.

— Поужинаешь у меня?

— А что будет?

— Что-нибудь будет.

— Тогда ладно.

Соня посмотрела на Машу, потом на Веру.

— А я могу?

Вера с Машей переглянулись. Маша чуть кивнула.

— А ты можешь, — сказала Вера. — Если папа отпустит.

— Папа сегодня поздно.

— Тогда можешь.

Соня снова склонилась над тетрадкой. Полкан Ефимыч у Веры на руке вздохнул удовлетворённо.

###

Вечером, когда Соню Маша всё-таки отвела домой ровно за десять минут до того, как, по словам Сони, должен был вернуться отец, и Маша тоже ушла, и кафе осталось пустым, — Особая Гостья пришла раньше обычного.

— Я почувствовала, — сказала она с порога.

— Что почувствовала?

— Что меня сегодня могли позвать. И не позвали.

Вера налила ей кофе.

— Не позвали. Я обошлась.

— Расскажи.

Вера рассказала. Про Андрея, про склянку, про фотографию на полу.

Особая Гостья слушала. Когда Вера закончила, помолчала.

— Покажи склянку.

Вера достала. Особая Гостья взяла её в руки. Не открывала. Просто подержала.

— Это старое, — сказала она. — Это из тех вещей, которых не должно быть в обычных руках. Кто-то достал им это за деньги.

— Знающий?

— Слишком знающий. У нас с этим кем-то будет потом разговор.

— А заказчик?

— Заказчик обычный. Самый обычный. От этого хуже.

Они посмотрели друг на друга.

— Они меня ищут, — сказала Вера.

— Меня.

Вера кивнула. Это было очевидно с первого дня — ещё с той женщины с какао, ещё со «странного дня» Ивана Сергеевича. С самого начала.

— Что мне делать со склянкой?

— Не выливай. Это нельзя выливать в землю. Дай мне.

Вера дала. Особая Гостья опустила склянку в карман пальто.

— Я её отнесу туда, где она перестанет быть.

— Спасибо.

— Это моя работа.

— Это в этот раз твоя работа.

Особая Гостья посмотрела на неё долгим взглядом. И — впервые, и Вера это отметила, — улыбнулась. Не глазами, как всегда, а губами. Чуть-чуть.

— В этот раз — моя.

Они сидели до позднего вечера. Полкан Ефимыч устроился у Гостьи на коленях. Дуб за окном стоял жёлтый и мокрый. Где-то в городке, в третьем подъезде по улице Гагарина, в девятой квартире, Соня делала уроки, а её отец сидел на кухне и пил, и не знал, что в этот вечер у девочки появилось место, в котором её ждут.

И октябрь продолжался.

Ноябрь. Глава четвёртая. Что Соня сказала Полкану Ефимычу

В ноябре светало позже.

Это было первое, что заметила Вера — в начале месяца, открыв кафе утром в семь тридцать, она зажгла фонарь над дверью, потому что без фонаря дуб стоял в темноте как чёрный столб, без формы. С фонарём — был дубом. Жёлтых листьев на нём почти не осталось, последние лежали под ногами и постепенно становились коричневыми, потом серыми, потом землёй.

Сегодня, седьмого ноября, шёл первый снег.

Не настоящий — мокрый, нерешительный, такой, который к обеду растает и никто его не вспомнит. Но всё-таки снег. Полкан Ефимыч это понял раньше, чем Вера: он сегодня не пошёл на свой утренний обход коридора (у него был обход, два раза в день, по часам), а остался на стуле под пледом, вытянув одну лапу из-под ткани, как старичок из-под одеяла.

— Полкан Ефимыч, — сказала Вера, проходя мимо. — Вы манкируете.

Полкан Ефимыч закрыл глаза, чтобы Вера ушла.

В восемь пятнадцать стул Ивана Сергеевича был пуст, как был пуст уже месяц. Маковая булочка из левого ряда лежала под колпаком стекла. Вера по привычке её клала каждое утро. Никто её не покупал. Вечером Вера её отдавала Полкану Ефимычу или выбрасывала — это зависело от настроения Полкана Ефимыча.

Иван Сергеевич, конечно, не видел этого ритуала и не мог увидеть. Но Вера не считала, что её работа — делать только то, что кто-то увидит. Иначе бы она бросила её давным-давно.

В восемь двадцать две зашла Маша.

— Доброе.

— Доброе, Машенька.

Маша сегодня была не в наушниках. Это случалось редко — обычно она входила в кафе под музыку и снимала наушники только ближе к девяти, когда первая волна спадала. Сейчас она их не надела с порога.

Вера это отметила и не стала спрашивать. У Маши был свой темп — если ей нужно было что-то сказать, она говорила; если нет, не нужно было её тянуть.

Маша разделась, повесила куртку, надела фартук, завязала волосы. Подошла к стойке.

— Вер.

— Что, Машенька.

— Мне сегодня ночью звонили. Часа в два. С незнакомого номера.

Вера не торопилась.

— И что сказали?

— Мужчина. Спросил, работаю ли я в «Под дубом». Я сказала «да». Он сказал «спасибо», положил трубку.

— Спасибо?

— Просто «спасибо». Голос вежливый. Не пьяный, не злой, ничего такого. Просто про-
верял.

Вера молчала. Помешала ложечкой в своей чашке. Кофе в чашке был уже холодный — Вера налила его в семь тридцать и забыла выпить, как обычно.

— Машенька, — сказала Вера. — Запиши номер.

— Я записала.

— Покажи.

Маша показала. Вера посмотрела, кивнула, как кивают на номер, который ничего не сообщает: восемь, девять, восемь, не московский, не питерский, никакой. Симка одноразовая, скорее всего.

— Если ещё позвонит — не отвечай. Если будут спрашивать через интернет, через знакомых — ничего не говори. Если кто-то будет тебя ждать у дома — звони сразу Журавлёву. Записывай его номер на всякий случай.

— У меня есть.

— Запиши ещё раз.

Маша записала. Вера записала свой собственный — на отдельном листочке. Маша взяла оба, сунула в задний карман.

— Что это, Вер?

Вера посмотрела на неё. Машу нельзя было обмануть до конца. Маша хоть и была двадцати лет от роду, но в двадцать уже понимают, что в мире что-то происходит, и понимают, когда взрослые пытаются от тебя отделаться.

— Это, Машенька, у нас тут одна ситуация в фоне. Я тебе её всю не расскажу, потому что если расскажу — ты в ней окажешься, а тебе это не нужно. Ты пока сделай так, как я сказала, и не думай про это много. Если что-то будет — я тебя предупрежу первой.

Маша кивнула. Не настаивала. Это её и спасало в жизни — она знала, когда не нужно настаивать.

К девяти утренняя волна схлынула — последние на московскую электричку взяли свои капучино и убежали, и в зале стало тихо. В девять зашла Тамара Леонидовна, с книгой, без слов, в свой угол. Тамара Леонидовна сегодня читала Шаламова, Вера это увидела по корешку. Шаламова Тамара Леонидовна читала, когда у неё внутри было тихое горе, которое не хотелось называть. Вера налила ей чай чуть крепче обычного и принесла к столу.

— Тамара Леонидовна.

— Вера, спасибо.

И всё.

В одиннадцать с чем-то у дуба остановилась машина. Вера её увидела — большая, чёрная, не местная. Из неё вышел мужчина в пальто, постоял у дуба, посмотрел на кафе, не зашёл, сел обратно в машину и уехал.

Вера подошла к окну, посмотрела вслед. Полкан Ефимыч с своего стула чуть поднял голову — не вставая, для экономии — и тоже посмотрел.

— Ну вот, — сказала Вера ему. — Это уже не наёмники.

Полкан Ефимыч прижал уши на полсекунды и опустил их обратно. Это означало: я понял, я в курсе, не надо мне объяснять.

Ничего больше не произошло. Машина уехала в сторону Москвы. Вера подумала и не стала звонить Журавлёву — Журавлёв не любил, когда ему звонят без конкретики, и потом он сам зайдёт на обед.

В половине первого вернулась Маша из подсобки — относил мусор. Сказала, садясь у стойки:

— Вер, у меня вопрос.

— Что.

— Та женщина.

— Какая.

— Которой я возила в прошлый вторник. На улицу Лермонтова.

Вера налила Маше чай.

— Что с ней?

— Она не там больше живёт.

— Откуда знаешь?

— Сегодня по дороге проходила мимо. У её подъезда стоял мужчина и звонил в её квартиру. Долго звонил. Я не подходила, я с другой стороны улицы шла. Просто смотрела. Он постоял, ушёл. А я зашла в подъезд, посмотрела на двери — у неё другая дверь теперь. Старая дверь была белая, новая металлическая. Значит, переехала, и быстро.

Вера слушала.

— Я её спросила, когда её последний раз видела. Где она теперь. Она сказала «не у вас в районе». Так и сказала — «не у вас в районе». Я её больше не спрашивала. Она дала мне адрес для сегодняшней доставки — другой совсем, на Гоголя. Но Вер.

— Что, Машенька.

— Я думаю, это связано с тем звонком. Который мне был ночью.

Вера долго смотрела на Машу.

— Машенька, — сказала Вера. — Ты сегодня доставку не повезёшь.

— Почему?

— Я повезу.

— Вы же занятая.

— Я повезу.

Маша поняла. Не обиделась. Сняла фартук, помогла Вере собрать заказ — чай Веры в термосе, два пирожка с капустой, маленький кулёк с печеньем. Вера всё положила в обычный пакет с логотипом «Под дубом», добавила чек, вышла.

— Маша, — сказала на пороге. — Я скоро вернусь. Если кто-то зайдёт и будет меня спрашивать — отвечай как обычно. Я хозяйка, ты тут работаешь, я уехала по делам, когда буду — не знаешь. Если начнут лезть с другими вопросами — иди в подсобку, скажешь, что нужно отдать заказ, и звонишь Журавлёву. Не мне — Журавлёву. У него номер запиши прямо сейчас.

— Поняла.

— Если будет страшно — тоже Журавлёву, не геройствуй.

— Поняла.

— Полкан Ефимыч за тобой присмотрит.

Маша слабо улыбнулась. Полкан Ефимыч с своего стула посмотрел на неё взглядом, в котором было всё, что нужно: понимание, готовность, чуть-чуть скуки. Он работал.

Вера ушла.

###

Соня пришла в кафе в три двадцать, как всегда. Маша поставила перед ней какао и кусок коричной булочки, как ставила Вера. Соня кивнула и села на свой стул — стул Ивана Сергеевича.

Полкан Ефимыч был единственный, кто сегодня изменил привычку: вместо того, чтобы лечь напротив на гостевой стул, он встал, прошёл по полу к Соне и запрыгнул ей на колени. Соня замерла. Полкан Ефимыч устроился, повернулся, и положил свою рыжую голову на её рукав.

Маша на это посмотрела через стойку и не комментировала.

Соня сидела, не двигаясь, потому что Полкан Ефимыч у неё на коленях значил больше, чем все взрослые слова дня. Через десять минут она протянула одну руку, очень осторожно, и положила ему на спину. Полкан Ефимыч начал мурлыкать — тихо, в горле, — и Соня закрыла глаза.

Маша мыла стаканы и наблюдала.

Через какое-то время — она потом точно не вспомнит, минут через двадцать или сорок — Соня заговорила.

Голос у неё был тихий-тихий, такой, что Маша его сначала не услышала, а потом услышала и замерла со стаканом в руке.

— Ну, — сказала Соня Полкану Ефимычу, — ты же видел.

Полкан Ефимыч продолжал мурлыкать.

— Ты же был. Когда мама ушла. Ты же был на дереве, я тебя видела. На дубе. Я сидела вот тут на земле, когда они ругались, и я смотрела вверх, и ты был на самой верхней ветке. Я тебя помню. У тебя такая же морда.

Маша поставила стакан очень тихо. Полкан Ефимыч мурлыкал.

— Ты тогда не пришёл ко мне. Ты сидел и просто смотрел. И я думала, что меня никто не видит, что нас никто не видит, а ты видел.

Соня помолчала.

— Папа сказал, что мама ушла. Он сказал ей — собери вещи. Она собирала. Я слышала. Они в доме, я во дворе. Я не хотела заходить. Я сидела на земле у крыльца и смотрела на тебя на дубе. А потом мама из дома кричала. А потом тихо. А потом папа вышел один. И сказал «ушла». А мама не вышла.

Полкан Ефимыч мурлыкал.

— Я подумала, что ты ушёл с мамой. Я не видела, чтобы ты слез с дуба. Я три дня тебя искала — может, ты на той же ветке. Тебя не было. Я думала, ты с мамой ушёл, что ты её повёл куда-то.

Долгая пауза.

— А ты тут.

Полкан Ефимыч поднял голову, посмотрел Соне в лицо, потом снова положил голову ей на руку.

— Ты тут, — повторила Соня. — А мама — нет.

Маша стояла за стойкой и не двигалась. Она поняла, что не должна сейчас попасть в Сонино поле зрения, что сейчас вообще ничего нельзя — не двигаться, не дышать. Она замерла, как замирают перед птицей, чтобы птица не улетела.

Соня молчала минут пять. Гладила Полкана Ефимыча. Смотрела в окно.

— Я не говорила это никому, — сказала она наконец, тихо. — Потому что папа сказал «никому». Папа сказал, что если я кому-то скажу, мама не вернётся. А я вот тебе сказала. Ты же не скажешь?

Полкан Ефимыч не ответил, потому что коты не лгут и не подтверждают пустых обещаний.

— Я думаю, — сказала Соня, — что мама уже не вернётся.

И тут она впервые за всё время заплакала. Не громко. Просто из глаз потекло, и она это не вытирала, и слёзы падали на Полкана Ефимыча, на его рыжую шерсть, и он не двинулся, потому что у него на это в его собственном кошачьем справочнике было правило: если ребёнок плачет, не двигайся.

Маша на стойке тихо плакала тоже, беззвучно, потому что было нельзя.

Через какое-то время Соня перестала. Вытерла лицо рукавом. Доела свою булочку. Открыла учебник и стала делать математику.

Полкан Ефимыч остался у неё на коленях ещё час.

###

Когда Вера вернулась в шесть с чем-то — снег уже растаял, было темно, в окнах кафе горел жёлтый свет — Маша подошла к ней и тихо сказала:

— Вер. Соня сегодня говорила.

— С тобой?

— С Полканом Ефимычем. Я слышала.

Вера сняла куртку, повесила, повернулась к Маше.

— Что говорила?

Маша рассказала. Очень коротко, без украшений, почти точными словами Сони. У Маши была эта способность — когда нужно, рассказывать без отсебятины.

Вера слушала. Когда Маша закончила, Вера долго молчала.

— Спасибо, Машенька. Что услышала и не помешала.

— Я не знала, что делать.

— Ты сделала правильно. Идеально.

Маша кивнула.

— Вер.

— Что.

— Папа что-то сделал с её мамой, да.

— Да.

— Что нам делать?

Вера села на стул. Полкан Ефимыч с своего стула посмотрел на неё.

— Нам, Машенька, ничего особенного не нужно. Просто сделать, чтобы она у нас бывала.

Ела. Уроки делала. Спала иногда. Дальше — посмотрим.

— И всё?

— И всё. Это уже много.

— А если папа что-нибудь сделает?

Вера подумала.

— Если папа что-нибудь сделает — у Журавлёва будет за что зацепиться. До тех пор — мы тут. Ты ей завтра скажи: если родители не возражают, может оставаться у нас подольше. Уроки тут делать. Ужинать. Я не лезу в чужие семьи — я просто говорю, что у меня есть угол.

— А если возражают?

— Машенька, — сказала Вера. — Не возражают.

Маша посмотрела на Веру.

— Вер.

— Что.

— Вы хороший человек.

Вера тихо засмеялась. Засмеялась, как смеются люди, которым только что сказали что-то слишком простое для их ситуации.

— Машенька, я просто забочусь о постоянных посетителях.

И пошла за стойку.

###

Особая Гостья пришла поздно — около десяти, когда Маша уже ушла домой, и Соня уже была дома (Маша её отвела в обычное время и вернулась), и в кафе горела одна лампа над стойкой.

— У меня к тебе вопрос, — сказала Гостья, сев за свой стол.

Вера принесла ей кофе. Чашка после первой гостыиной встречи с ней становилась холодной не сразу — успевала несколько секунд побыть тёплой. Сегодня Вера почему-то это отметила.

Гостья посмотрела на её чашку.

— А ты сегодня сколько уже выпила?

— Третью.

— Вер. От большого количества кофе можно и помереть. Я знаю случаи.

— Ты их сама и забирала?

— Лично.

Они мельком улыбнулись друг другу. Это была их старая шутка.

— Спрашивай.

— Соня. Её мама.

— Что.

— Она у тебя, я знаю.

Вера посмотрела на Гостью.

— Когда?

— Год назад. Ноябрь, кажется. Семнадцатое.

Вера кивнула. Семнадцатое ноября — день, который Соня в кафе никак не отмечала, потому что ещё не знала.

— Сама?

— Нет.

Они помолчали.

— Больше ничего не скажу, — сказала Гостья. — Ты знаешь, я не за этим.

— Знаю.

Вера молчала. Кофе остывал.

И они сидели до полуночи, не торопясь и почти не разговаривая, и Полкан Ефимыч спал у Гостьи на коленях, и в окне был ноябрь, и за окном в темноте стоял старый дуб, который год назад с самой верхней ветки видел всё.

И ноябрь продолжался.

Ноябрь. Глава пятая. Эдуард Михайлович

Эдуард Михайлович появлялся в кафе раз в две недели. Сегодня прошло две.

Вера это поняла, увидев чёрный «Мерседес», который остановился у дуба в одиннадцать сорок пять — Эдуард Михайлович всегда приезжал перед обедом, потому что у него была стратегия: после разговора с Верой он шёл обедать, и ему важно было ей это показать. Чтобы она понимала, что у него будут другие важные дела.

— Машенька. Эдуард Михайлович приехал.

Маша подняла глаза от стаканов, посмотрела в окно.

— Опять?

— Опять.

— Я в подсобку?

— Сделай ему американо, потом — да, в подсобку. Я сама с ним разберусь.

— А может, я останусь?

— Нет.

— Почему?

Вера помолчала.

— Потому что он на тебя смотреть не будет, Машенька. Для него ты — мебель. А я не люблю, когда на тебя так смотрят.

Маша на это слегка улыбнулась, потом снова стала серьёзной.

— Он плохой?

— Не плохой. Другой. Этот мужчина ничего у тебя не отнимет — он у тебя купит. И если ты не будешь продавать, он будет повышать цену, пока тебе не станет страшно. От страха люди продают всё подряд — это его метод.

— Поэтому вы его и не любите.

— Поэтому, Машенька, я с ним сама. Иди.

Дверь открылась. Эдуард Михайлович вошёл — высокий, ровный, в кашемировом пальто цвета мокрого асфальта. Снял пальто, повесил на крючок не глядя, как вешают пальто там, где его поймают, если оно упадёт. Прошёл к стойке. У него была походка человека, которому никогда не приходится никого пропускать.

— Вера. Доброе утро.

— Эдуард Михайлович.

— Уже не утро, конечно. Но я в дороге с семи.

— Кофе?

— Американо. И что у вас сегодня съедобного.

— Пирог с яблоками. Тёплый.

— Дайте.

Маша всё это уже сделала, пока Эдуард Михайлович здоровался. Поставила американо и тарелку на стойку, отошла. Эдуард Михайлович её не заметил — Маша для него была мебелью кафе, как стул или кофеварка.

— Сколько?

— Пятьсот.

— Пятьсот. Хорошо.

Он положил тысячную купюру.

— Сдачи не нужно.

— Эдуард Михайлович, я же вас просила.

— Что просила?

— Не давать мне на чай по пятьсот рублей за пирог. Это у вас не «на чай», это вы мне зарплату повышаете. Я зарплату себе сама плачу.

Эдуард Михайлович тонко улыбнулся.

— Вера, у меня к вам вообще есть вопрос про зарплату.

— У меня тоже к вам есть вопрос.

— Какой?

— Какого чёрта вы опять приехали.

Он посмеялся. У Эдуарда Михайловича был хороший, ровный смех — такой, как бывает у людей, которые в жизни мало смеются всерьёз и поэтому смех у них не разболтан. Полкан Ефимыч на стуле не открыл глаз. Полкан Ефимыч был с Эдуардом Михайловичем знаком уже несколько лет и считал его не угрозой, а **скукой**, что для Полкана Ефимыча было хуже.

— Вера, — сказал Эдуард Михайлович, садясь у стойки на барный табурет. — Я вам сегодня сделаю предложение, от которого вы откажетесь, как обычно. Это нормально, я к этому привык. Но я всё-таки сделаю, потому что цифры выросли с прошлого раза.

— Я слушаю.

— Пятьдесят миллионов.

Вера протёрла стойку — она была уже чистая, но Вера её протёрла ещё раз.

— За что?

— За кафе. С землёй. С дубом. С вывеской. Всё ваше. Я даю пятьдесят.

— А Полкан Ефимыч?

— Полкан Ефимыч ваш. С котом я не работаю.

— И на что я буду жить?

— Вера, — сказал Эдуард Михайлович. — Вы профессионал. Я не сомневаюсь, что вы откроете другое кафе в другом месте. С пятьюдесятью миллионами в кармане.

— А зачем вам это кафе?

— Я же объяснял. Мне нравится атмосфера.

— Вы её хотите купить, атмосферу?

— Я хочу, чтобы атмосфера была моя.

Вера посмотрела на него.

— Эдуард Михайлович, — сказала она. — Атмосферу нельзя купить. Это знают все, кто разбирается. Можно купить здание, в котором эта атмосфера сейчас есть. Но к вам она не перейдёт. Когда вы купите кафе — это будет уже другое кафе. С вашей атмосферой.

— И что у меня с атмосферой?

— У вас её нет. У вас её нет, потому что вы скучаете уже двадцать лет, и поэтому ездите ко мне, и поэтому повышаете цены, и поэтому делаете вид, что вам нужно кафе. Вам не нужно кафе. Вам нужно, чтобы я с вами разговаривала.

Эдуард Михайлович помолчал.

— Вера.

— Что.

— Иногда вы говорите неприятные вещи.

— Я знаю. Извините. Но вы за это и приезжаете.

Он отпил кофе.

— Шестьдесят миллионов.

— Эдуард Михайлович.

— Что.

— Вам не приходило в голову, что у меня нет цены, потому что я не продаю?

— Цена есть у всего.

— У всего — есть. У меня — нет. Это редкое свойство, Эдуард Михайлович, и в вашем мире, я понимаю, его не бывает. Поэтому вы не можете в него поверить и приезжаете снова.

Он опустил чашку.

— Вы опять хотите со мной поссориться.

— Не очень. Просто хочу, чтобы вы сегодня уехали и не ездили хотя бы три недели. У меня тут ноябрь, у меня девочка плачет, у меня кот не в духе. Мне с вами некогда.

Эдуард Михайлович посмотрел на Полкана Ефимыча. Полкан Ефимыч продолжал не открывать глаз. Это было максимальное отрицание, на которое Полкан Ефимыч был способен.

— Какая девочка плачет?

— Это вас не касается.

— Плохая ситуация?

— Это вас не касается, Эдуард Михайлович.

— Вера, я могу помочь.

— Эдуард Михайлович.

— Что?

— Вот сейчас вы сделали интересную вещь. Вы предложили мне помощь. Не услуга за услугу — просто предложили помощь. Это в вас живой человек шевельнулся. Он у вас под пальто кашемировым лежит, давно не выходил, и иногда вылезает на пять секунд и говорит «я могу помочь». Послушайте его сейчас. Ему интересно.

Эдуард Михайлович посмотрел на неё.

— И что он мне говорит?

— Он вам говорит, что у меня девочка плачет, и что у вас есть деньги и связи, и что вы могли бы что-то сделать, и что на этом вы не заработаете и кафе моё не купите. Он вам говорит «делай, не считая».

— Вера.

— Что.

— Это шантаж?

— Это, Эдуард Михайлович, не шантаж. Это диагноз. Вы много лет сидите у этой стойки. Каждый раз делаете предложение. Каждый раз я отказываю. Вы каждый раз уезжаете и думаете, что я тяну время. А я вам каждый раз пытаюсь объяснить, что я отказываю **навсегда**. Просто сегодня я попробую объяснить через другой угол.

Он молчал.

— Вы мне нравитесь как собеседница, — сказал он наконец.

— Я это знаю.

— Я бы с вами ужинал.

— Я с вами ужинать не буду.

— Я бы вас на яхту...

— На яхту тоже не поеду.

— Вы упрямая.

— Я триста, — сказала Вера, и осеклась, не закончив. Подумала секунду, потом всё-таки закончила, потому что Эдуард Михайлович всё равно бы пропустил мимо ушей: — Я тристапудово упрямая.

— Что-что вы упрямая?

— Тристапудово. Это народное.

— Не слышал.

— Подмосковное. Вы из Москвы, у вас своё.

Эдуард Михайлович допил американо.

— Семьдесят миллионов.

Вера вздохнула.

— Эдуард Михайлович. У меня к вам встречное предложение.

— Слушаю.

— Вы сейчас уйдёте. Не вернётесь до января. В январе придёте, когда у меня станет тише. Будем сидеть, говорить про погоду, про какие-нибудь новости, про то, что вы скучаете. Без предложений. Просто как человек к человеку. И если за два часа разговора вы ни разу не предложите мне продать кафе, я вам подарю одну вещь.

— Какую?

— Я не скажу заранее. Подарю.

Эдуард Михайлович смотрел на неё долго. Это был тот случай, когда Вера видела в нём то, что было до денег: молодого человека, лет двадцати, неловкого, не уверенного, ищущего одобрения. Это бывало в нём редко. Это и был тот живой человек под кашемиром.

— Вера. Это эксперимент?

— Это, Эдуард Михайлович, последний шанс. Я больше не буду вам отвечать на ваши предложения купить кафе. Я их буду пропускать мимо ушей. Хотите со мной общаться — общайтесь как человек. Не хотите — ну тогда не приезжайте, мы прекрасно проживём.

— Это жёстко.

— Я знаю.

— Я подумую.

— Думайте до января.

Он встал, надел пальто, остановился у двери.

— Вера.

— Что.

— Что бы вы мне подарили?

— Я не скажу, потому что это испортит подарок. Но скажу одно: это будет дороже всего, что у вас есть.

— Дороже?

— Дороже. У вас многое есть. А этой вещи — нет.

Он постоял. Потом кивнул.

— До января.

— До января, Эдуард Михайлович. Берегите себя. И послушайте этого молодого, который у вас под пальто. Иногда.

Он вышел. Маша через минуту вышла из подсобки.

— Что было?

— Ничего, Машенька. Дай мне успокоительного и плед, я пять минут полежу.

— Серьёзно?

— Не серьёзно. Чаю с мёдом налей.

Маша налила. Вера села на стул, обхватила чашку обеими руками.

— Машенька. Если в январе вернётся — он другой будет.

— Какой?

— Не знаю. Может быть, обычный. Может быть, чуть-чуть человеком. А может, и не вернётся вовсе. Это нормально. Я тут не его душу спасаю. Я его просто двигала с моей стойки.

Маша помолчала.

— Что бы вы ему подарили?

— Подарила бы, Машенька, **разрешение на одно нормальное чувство**. Один разговор без расчёта. Мужчинам этого склада никто никогда такого разрешения не давал. Им вокруг кажется, что всё, что не сделка, — это глупость. А они уставшие, и им хочется, чтобы кто-то с ними поговорил, не считая в уме рублей.

— Это правда дорого?

— Это, Машенька, очень дорого. Это дороже семидесяти миллионов. Не каждый знает, как.

###

В пять часов, перед тем как Соня должна была прийти, в кафе зашёл курьер.

Вера на секунду напряглась — но это был обычный курьер, в синей куртке какой-то службы, с пакетом.

— «Под дубом»? Кафе? Это вам.

— Что?

— Я не знаю, мне передали.

Внутри пакета — букет. Не очень большой, аккуратный, дорогой. Розы и лилии.

И открытка. Распечатанная, не от руки.

«Хозяйке. Передайте моей жене, что я её жду и прощаю. С уважением.»

Без подписи. Без обратного адреса на пакете.

Курьер уже ушёл.

Вера стояла с букетом в руках секунд двадцать. Потом отнесла его на улицу, к мусорному контейнеру за кафе, и положила сверху, не в контейнер — она так и не решила. На белом цветке на верху букета сразу осел мокрый снег. Через час их кто-нибудь возьмёт — соседская бабка, или мужик с вокзала, или собака утащит. Веры это не касалось.

Открытку она вернула в кафе. Положила в ящик под стойкой, в стопку с забытыми платками. Платков там было сорок один. Открыток теперь — две.

Маша спросила:

— Что это было?

— Не сейчас, Машенька. Возьми книгу, почитай за стойкой. Я тебе потом расскажу, что нужно знать.

— Хорошо.

Маша достала из рюкзака книгу — какой-то учебник по теории литературы — и устроилась читать. Полкан Ефимыч с своего стула посмотрел на Веру взглядом, в котором было «я понял, я в курсе, не надо мне объяснять». Это был его универсальный взгляд для серьёзных вечеров.

Соня пришла в три двадцать. Села, как всегда, на стул Ивана Сергеевича. Полкан Ефимыч сегодня тоже сразу к ней, на колени, как вчера. Соня его погладила, открыла учебник.

Сегодня она не разговаривала. Сегодня она просто делала математику, и Полкан Ефимыч мурлыкал. Но Вера видела: после вчерашнего что-то изменилось — Соня держалась на стуле прямее. Маленькая разница, но она была.

В четыре зашла Тамара Леонидовна. Прошла мимо стойки, остановилась, посмотрела на Веру.

— Вера.

— Да, Тамара Леонидовна.

Тамара Леонидовна не сказала ничего. Просто положила руку на плечо Веры, на секунду, и пошла в свой угол.

Вера посмотрела ей вслед. Тамара Леонидовна за десять лет ни разу не дотрагивалась до Веры.

— Что-то она знает, Машенька, — сказала Вера тихо.

— Она всегда что-то знает.

— Это правда.

Полкан Ефимыч на коленях у Сони лениво махнул хвостом, в знак согласия.

###

Особая Гостя сегодня не пришла. Это случилось — у неё бывали недели, когда работа в каком-то месте занимала её целиком. Вера привыкла. Закрыла кафе в девять. Маша к этому времени уже ушла домой.

Вера поднялась к себе наверх, в маленькую комнатку, в которой жила. Достала из ящика обе открытки. Положила на стол под лампу.

Первая, та, что пришла сегодня, лежала бок о бок с **первой**, от того же — той, что пришла в октябре с букетом, который Вера тогда тоже выбросила. Тексты были разные, почерк — один. Не от руки. Принтер, один и тот же шрифт. Этот человек не утруждал себя писать сам.

Это было показательно. Такие, как он, обычно любят форму — медленно, с нажимом, чернилами. А этот пользовался секретаршей или принтером. У него внутри что-то расшаталось.

Полкан Ефимыч поднялся по лестнице — он умел подниматься, когда хотел, — устроился на подушке рядом и посмотрел на стол.

— Полкан Ефимыч, — сказала Вера. — Этот мужик нас всех будет долго мучить.

Полкан Ефимыч прищурился. Это означало: я знаю.

Вера сложила обе открытки, убрала в ящик. Свет погасила.

И ноябрь продолжался.

Ноябрь продолжался.

Ноябрь. Глава шестая. Овсянка

В последнюю пятницу ноября Соня не пошла домой.

Это случилось без объявления и без сцены. Просто в восемь вечера, когда Маша должна была отвести её до подъезда (так бывало в Машины смены: Соня шла впереди, Маша на пять метров сзади, Маша делала вид, что это случайность, Соня делала вид, что не замечает), Соня посмотрела в окно — там уже было темно, и моросило, и фонарь у дуба гудел желтее обычного, — и сказала Маше:

— Можно я тут останусь?

— В смысле?

— В кафе.

Маша посмотрела на неё. Потом на Веру.

Вера была у стойки, протирала чашки. Услышала, не обернулась. Сказала:

— Соня, наверху есть свободная комната. Маленькая, с одним окном. Кровать застелена, я на той неделе постельное поменяла. Если хочешь, поднимайся, посмотри.

— Спасибо.

— Папа сегодня поздно?

— Он со среды дома не был.

Вера на секунду перестала протирать чашку. Потом продолжила.

— Тогда поднимайся. Я тебя утром не разбужу — суббота, спи сколько хочешь.

— Хорошо.

Соня надела рюкзак, медленно, как надевают что-то новое и тяжёлое. Пошла к лестнице — лестница была за стойкой, в подсобке, узкая, с одной голой лампочкой. Полкан Ефимыч встал со стула и пошёл за ней. Это означало: я тебя провожу до места, а потом, может, посплю там.

Маша стояла, не зная, что делать.

— Вер.

— Что, Машенька.

— Это нормально?

— Что нормально?

— Что она у вас остаётся.

Вера посмотрела на неё.

— Машенька. У ребёнка папа дома не был три дня. Где ей нормально?

Маша подумала.

— Понятно. А папа?

— А папа, я думаю, не заметит. Если заметит — мы что-нибудь придумаем. А пока — пусть спит у нас, там тепло.

— А у вас наверху как?

— Наверху, Машенька, у меня одна комната моя, одна комната свободная. Ванная, туалет, маленькая кладовая. Я там и живу. У меня давненько никто не оставался. Кроме Полкана Ефимыча.

— А Полкан Ефимыч у вас в которой?

— А Полкан Ефимыч сам решает.

Маша слабо улыбнулась.

— Я тогда пойду.

— Иди. До завтра.

Маша оделась, накинула капюшон, ушла. Вера закрыла за ней дверь, повернула табличку на «Закрыто», выключила вывеску. Неон погас.

Подошла к окну, посмотрела на дуб. Дуб стоял тёмный и пустой — листьев почти не осталось, они все лежали на асфальте, мокрые, чёрные. Декабрь начнётся в понедельник, подумала Вера. Что-то будет.

Поднялась наверх.

Наверху был коридор — короткий, с тёплыми деревянными стенами, обшитыми старой вагонкой ещё в советское время и за столько лет потемневшей до медового оттенка. Стены пахли деревом, чуть-чуть кофе из кафе внизу, и ещё чем-то неуловимым — может быть, корицей, потому что Вера хранила корицу в маленькой банке на кухонной полке, и банка иногда была неплотно закрыта.

В коридоре висела одна лампа под жёлтым абажуром, и в этом свете всё казалось чуть теплее, чем было на самом деле.

Полкан Ефимыч сидел у двери в свободную комнату. Дверь была приоткрыта. Внутри тихо.

Вера прошла мимо, в свою комнату. Из шкафа достала плед — большой, тяжёлый, шерстяной, бабушкин. Точнее, *чей-то* бабушки — Вера его получила в восьмидесятые от Серафимы, тогда ещё совсем молодой аспирантки-фармаколога, которая позже стала профессором Серафимой Андреевной. Плед был старше Серафимы и до неё был ещё чей-то. Тёплый, тяжёлый, пах сухой лавандой — Вера в него зимой клала мешочек, чтобы моль не лезла, и лаванда так за десятилетия в шерсть и въелась.

Достала ещё одну вещь — маленькую плюшевую собаку, рыжую с чёрным носом. Игрушка лежала у Веры в шкафу неизвестно сколько лет; принесла её когда-то одна посетительница, забыла, и не вернулась. Собака не была никому нужна, но и выкидывать было жалко. Сегодня, как оказалось, она ждала своего часа.

С пледом и собакой Вера пошла в свободную комнату.

Свободная комната у Веры была маленькая, метров десять. Обои на стенах — старенькие, в маленький розовый цветочек, выцветшие до почти серого. Кровать у стены, узкая, односпальная, с деревянным изголовьем. Над кроватью — полочка с тремя книгами, которые когда-то здесь оставила Маша и забрать забыла. Окно с белой занавеской. Старый комод. Один торшер с абажуром в форме ромашки. И всё.

Вера всегда считала, что комната пустоватая. Сегодня впервые подумала, что, может быть, не пустоватая, а *ждущая*.

Соня сидела на краю кровати, в куртке, с рюкзаком на полу. Не разделась. Просто сидела и смотрела в окно. В окне виднелся кусок крыши соседнего дома и небо, которое в ноябре в восемь вечера уже было ночным.

— Соня.

— Да.

— Куртку сними. Тут тепло.

— Я сейчас.

Вера положила плед в ноги кровати, аккуратно. Плюшевую собаку посадила на подушку — не в центр, а чуть сбоку, так, как сажают игрушки те, кто помнит, что в детстве у игрушек должно быть своё место.

Соня посмотрела на собаку.

— Это кому?

— Тебе. Если хочешь.

— Откуда?

— Лежала у меня в шкафу. Кто-то её здесь оставил давно, я не помню кто. Я её хранила — думала, кому-нибудь пригодится. Вот, кажется, пригодилась.

Соня осторожно дотронулась до собаки, как трогают что-то хрупкое.

— Как её зовут?

- Никак. Никто не успел придумать.
- Можно я придумаю?
- Можно.
- Я подумаю.
- Думай.

Вера села на стул напротив кровати — в комнате был один стул, у окна, на нём раньше лежали Машины забытые вещи. Сейчас Вера их убрала.

— Соня. Завтра суббота, в школу не надо. Я открываюсь в полвосьмого, могу тебе завтрак сделать. Или ты сама — если рано встанешь.

— Я могу сама.

— Хорошо. Кухня внизу, в кафе. Спускайся через подсобку — лестница та же. На полке слева, в синих банках, — хлопья, овсянка, сахар. Молоко и масло в холодильнике. Бери что хочешь, ничего не спрашивай. Свет в кафе включается у двери в подсобку, выключатель снизу.

— Хорошо.

Соня помолчала. Потом сказала тише:

— Я раньше маме завтрак делала.

— Я думаю, ты хорошо это умеешь.

— Я не знаю, хорошо или нет, но маме нравилось, как я готовлю.

— Это и есть хорошо.

Соня снова замолчала. Сняла куртку — наконец, — и Вера увидела то, что подозревала уже месяц: рукава кофты, надетой под куртку, были коротки. Сильно. Запястья торчали голые, серые, тонкие. Кофта была летняя, тонкая, явно не по сезону.

И джинсы тоже короткие. И носки разные.

Вера не подала виду. Только подумала, что у Сони завтра выходной и неплохо бы попросить Машу выйти на дополнительную смену.

— Плед видишь? — сказала она вслух. — Тяжёлый, шерстяной, под ним очень тепло, иногда даже жарко. Если будет жарко, скинь.

— Поняла.

— Ванная справа от лестницы. Там зубная щётка в коробочке, новая лежит, на всякий случай.

— Спасибо.

— И ещё. Если ночью будет страшно — Полкан Ефимыч с тобой. Если совсем страшно — моя дверь дальше по коридору, не заперта. Можно постучать. Можно просто зайти.

Соня кивнула. Глаза у неё были блестящие, но она не плакала.

— Спокойной ночи, Соня.

— Спокойной ночи, Вера.

Вера вышла, закрыла дверь, не до конца, на щёлочку. Полкан Ефимыч проскользнул внутрь — это означало: я тут останусь, не возражаю.

Соня осталась одна. Села под одеяло — большой плед накрыл её до подбородка. Полкан Ефимыч устроился у её ног, тёплый, тяжёлый.

В голове у Сони шёл спокойный счёт. Так в голове идёт счёт у любого ребёнка, который вырос в доме, где не было лишнего: что за это придётся отдать. Соня знала, что просто так у чужих не бывает. У неё было правило, которое сложилось как-то само: если тебе что-то дали, надо это отработать, иначе потом будет хуже. Поэтому Соня лежала и думала о том, что будет делать.

Полы мыть. Это первое — она это умела. И в кафе, и наверху. Она встанет рано, до открытия, и будет мыть всё. У них должны быть полы, тряпки, ведро. Если нет — она спросит. Стаканы протирать она тоже умеет. Стулья, столы, стойку. Пылъ вытирать. Если что-то ещё — она научится.

«Я отработаю, — сказала Соня про себя плюшевой собаке. — Не бойся.»

Собака не возражала.

И ещё Соня подумала: завтрак. Завтрак она всегда варила маме, потому что мама поздно вставала. Вера, наверное, тоже не любит готовить с утра — так делают взрослые, которые работают много. Это значит, что и здесь Соня будет готовить. Это будет её часть. Она знала овсянку, омлет, чай и кашу. Этого, возможно, хватит, чтобы отплатить за жильё. Может быть, её не прогонят.

Соня закрыла глаза. Полкан Ефимыч мурлыкал. Под пледом было тяжело и тепло, и это было новое чувство, которому Соня пока не знала названия.

Вера пошла в свою комнату. Села на кровать, не раздеваясь. Посмотрела на стену, на которой висела одна-единственная фотография — старая, чёрно-белая, без людей: просто дерево и часть забора. Никто не знал, что это и где, кроме Веры, но Вера никому её не показывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.